

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-190-194
УДК 821.111

ИНТЕРКСТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗЕ Н. ГЕЙМАНА «ДЕЛО О СМЕРТИ И МЕДЕ»

© Алексей Мелихов

INTERTEXTUAL RELATIONS IN N. GAIMAN'S SHORT STORY "THE CASE OF DEATH AND HONEY"

Aleksey Melikhov

The paper analyzes the short story "The Case of Death and Honey" (2011) by the renowned English writer Neil Gaiman. This work is a remarkable case of the intertextual dialogue between the contemporary work and the original A. C. Doyle's series. Our goal is to analyze the features of intertextuality in this story and determine their connection to the message of the story. While carefully and respectfully recreating certain aspects of the original series, Neil Gaiman simultaneously explores the unsaid elements of the plot, such as Holmes's hobby of beekeeping. At the same time, the author purposefully contradicts the "Holmsians" in several aspects. We have come to the conclusion that the image of Sherlock Holmes becomes less "human" than in the original series, it also deliberately contradicts the message of the Sherlock Holmes story referenced in the text. All contradictions and references result in a message about the immortal nature of A. C. Doyle's work and its characters, which continue to live on in the works of other authors while still closely related to the original series. In this intertextual connection, we can see the idea of cultural continuity.

Keywords: N. Gaiman, A. C. Doyle, intertextuality, image of Sherlock Holmes, idea of immortality.

В статье анализируется рассказ известного английского писателя Нила Геймана «Дело о смерти и меде», который представляет собой яркий пример интертекстуального диалога между современной работой и классическим циклом А. К. Дойла. Нашей целью было проанализировать особенности интертекстуальности в рассказе и определить их связь с основной идеей рассказа. Н. Гейман тщательно и уважительно воссоздает определенные элементы оригинального цикла о великом сыщике и исследует недосказанные сюжетные элементы вроде увлечения Холмса пчеловодством. При этом автор целенаправленно противоречит «холмсиане» в нескольких аспектах. Мы приходим к выводу, что образ Шерлока Холмса становится менее «человечным», чем в оригинальном цикле, и само произведение по сюжетной концепции намеренно противоречит идее конкретного рассказа А. К. Дойла о Шерлоке Холмсе, на который ссылается текст. Все противоречия и отсылки складываются в основную идею о бессмертной природе работ А. К. Дойла и его персонажей, которые теперь продолжают жить в произведениях других авторов, но все еще тесно связаны с оригинальным циклом. Данная интертекстуальная связь указывает на идею преемственности.

Ключевые слова: Н. Гейман, А. К. Дойл, интертекстуальность, образ Шерлока Холмса, идея бессмертия.

Современный английский автор Нил Гейман (1960 г.р.), обладатель множества премий в области фантастики и фэнтези, написал два рассказа про Шерлока Холмса – оба с фантастическими элементами. Наиболее известным из них является «Этюд в изумрудных тонах» 2003 года, «кроссовер»¹ мифологии Г. Ф. Лавкрафта о древних богах и цикла А. К. Дойла о приключениях Шер-

лока Холмса. В нем рассказывалось о «перевернутом мире», где победили древние чудовища Лавкрафта и в котором сыщиками оказываются Мориарти и Моран, злодеи оригинального цикла, а Холмс и доктор Ватсон противостояли им и богам как «мятежники» [Gaiman]. Произведение получило престижную премию «Хьюго» в номинации «лучший рассказ», собрало множество восторженных отзывов литературных критиков; рассказ разбирался литературоведами (в частности, исследовались образы викторианских героев

¹ Кроссовер – произведение, объединяющее в себе персонажей и миры разных произведений.

и злодеев, метатекстуальные аспекты и различные смысловые трактовки истории) и был адаптирован в формат комикса. И комикс, и рассказ издавались на русском языке. Однако в 2011 году Нил Гейман написал еще один рассказ, посвященный Шерлоку Холмсу, – «Дело о смерти и меде». Он также содержал фантастическое допущение, но в значительно меньшей мере, чем «Этюд в изумрудных тонах». В целом произведение гораздо ближе к оригинальному циклу, чем «Этюд»: оно сюжетно, стилистически и даже композиционно встраивается в «канон» Дойла, интертекстуально взаимодействуя с ним. Шерлок Холмс, уже после своего «ухода на пенсию», прислушивается к последней воле умирающего Майкрофта и ищет секрет бессмертия. Поиски приводят его в удаленную китайскую деревню, где ему удается создать эликсир из особого меда пчел. Он разрушает свой сад для экспериментов с цветами, оставив немного необходимого для создания элемента эликсира пожилому садовнику Гао, у которого он жил. Помолодевший Шерлок Холмс возвращается в Лондон, где он считается мертвым, чтобы поделить эликсиром с Ватсоном. Повествование представляет собой записки Шерлока Холмса от первого лица, подобно произведениям Дойла о периоде жизни Холмса, который охватывается в рассказе.

«Дело о смерти и меде» также собрало хорошие отзывы, но привлекло гораздо меньше внимания, чем «Этюд в изумрудных тонах». Исследования данного рассказа в основном ведутся в контексте анализа определенных мотивов в творчестве Н. Геймана в целом. Однако мы считаем, что внимания заслуживают интертекстуальные взаимодействия, те сюжетные и смысловые пересечения, которые можно обнаружить в рассказах Н. Геймана и А. К. Дойла и которые позволяют говорить о трансформации канонического образа «великого сыщика».

Также следует оговориться, что мы понимаем интертекстуальность в данном контексте как «принципиальный художественный прием» [Родионова] диалога с классическим произведением, а не как черту, присущую всем произведениям искусства.

Образ Шерлока Холмса и новые произведения о нем

Еще в 1944 году в предисловии к сборнику «Злоключения Шерлока Холмса» Э. Куин писал: «Мы не можем представить вам ничего нового про Шерлока – все, что есть, вы уже прочитали. <...> О Шерлоке Холмсе написано больше, чем о любом другом выдуманном персонаже. Более того, можно с уверенностью сказать, что о Шерло-

ке Холмсе больше написал не Артур Конан Дойль, а другие люди» [Queen].

В 2017 году о Шерлоке Холмсе насчитывалось двадцать пять тысяч произведений согласно Универсальному индексу Шерлока Холмса, следовательно, со временем слова Э. Куина становятся все более и более актуальными. Первые пастиши и пародии начали появляться спустя пять лет после того, как серия Артура Конан Дойла начала выходить – и спустя десятки лет, особенно после перехода произведений о Шерлоке Холмсе в общественное достояние, количество работ про великого сыщика продолжает активно увеличиваться. Подобная популярность именно цикла о Холмсе понятна. Можно назвать множество причин, среди которых, несомненно, и то, как ярко и талантливо Дойл использовал и развил уже существующие в культуре образы и жанровые формулы – но мы хотим отдельно отметить, что в целом благодаря такой популярности в массовой культуре образ Холмса уже перерос оригинальный цикл. В своем обращении в честь победы в деле о переходе Холмса в общественное достояние соосновательница фонда «Authors Alliance», занимающегося поддержкой писателей, Молли Ван Хауэлинг писала о том, что Шерлок Холмс в том виде, каком он известен многим, уже давно заслуга множества людей: в книге нет упоминаний его знаменитой шляпы, которую добавил художник-иллюстратор одного из ранних изданий, а фраза «Элементарно, Ватсон» ни разу не звучит в оригинальном цикле [Houweling]. Шерлок Холмс стал не просто литературным персонажем, но символом, архетипом. В некотором смысле его можно воспринимать и как символ детективного жанра в целом.

Большинство произведений о Шерлоке Холмсе не от А. К. Дойла в той иной форме воспроизводят ряд характерных черт образа из оригинального цикла: знаменитый дедуктивный метод, сильное чувство справедливости, невозможность существовать без «упражнений для ума» (интересных дел или задач), мастерство перевоплощения, особо близкая дружба с Ватсоном и Майкрофтом, выдающиеся навыки перевоплощения и актерской игры, разведение пчел и некоторые другие.

Пусть об увлечении Холмса разведением пчел сообщается только в двух поздних произведениях цикла, это достаточно яркая характеристика, которая стала одной из наиболее узнаваемых черт частного сыщика.

Можно высказать предположение, что популярность именно данной черты уходит своими корнями в специфику образов великих детективов, обозначенную Натальей Кириленко: «Вели-

кий сыщик игровой, гротескный, с внешностью, близкой к маске, занимающийся расследованиями из любви к игре. Представитель ненормального в нормальном мире, который и нарушает норму, и восстанавливает ее» [Кириленко, с. 159]. Также указывается о «неизменности» героя. Иными словами, образ сыщика носит условный, гротескный, игровой и, возможно, в некотором смысле даже абстрактный характер: он не развивается и не меняется, о нем разве что сообщаются новые детали, и то весьма скупо, большая часть информации о прошлом героя, например, часто остается на домысливание читателем. В их образах остается пространство, которое должно заполнить воображение читателя.

Увлечение пчелами в этом плане весьма показательная черта, она яркая и, являясь сама по себе «нормальной», кажется «ненормальной» в сочетании с образом Холмса очередным чудачеством, чем-то вырванным из контекста. И читатели, а затем и авторы новых произведений о великом сыщике додумывают образ, заполняют эту пустоту, наделяют эту «ненормальность» контекстом.

Образы «великих сыщиков» условны и функциональны – они не являются проработанными в привычном смысле слова и наделены скорее рядом ярких характеристик, отсылающих к игровому началу детективных произведений, нежели полноценными психологическими качествами. Тем не менее от превращения в исключительно холодные расплывчатые образы «супергероев» с непобедимым разумом останавливает, помимо определенных деталей, в первую очередь юмор. Благодаря этому юмору, окружающему образы, они становятся более человечными и близкими к читателю. Юмор является одной из характеристик цикла А. К. Дойла (наивность Ватсона и подшучивания Холмса над ней, неудачи полиции и др.), о которой часто забывают в угоду другим составляющим.

Образ Шерлока Холмса в «Деле о смерти и меде»

«Дело о смерти и меде» использует все упомянутые нами выше характерные черты образа Шерлока Холмса, но при этом рассказ лишен юмора. Это кажется подходящим решением в контексте общего таинственного настроения произведения – оно во многом строится на недосказанности (обрывистость композиции, цель приезда Шерлока в Китай раскрывается не сразу, дальнейшая судьба Гана, даже Холмса и Ватсона, подается намеками). Но это можно объяснить и тематикой рассказа, которая связана со смертью.

Тема смерти вводится в рассказ с описанием смерти жены, а затем и сына старика Гао, практически в самом начале:

«Он был весь в своих пчел: такой же угрюмый и такой же суровый. Однажды он был женат, но его жена скончалась во время родов. Убив мать, сын прожил сам всего неделю, – уведя за собой и все слова, которые он мог бы сказать в день похорон отца, и все цветы, и подношения, которые мог бы приносить на его могилу. После этих событий он видел себя канувшим в Лету, безвестным, никем незамеченным при жизни. Как его пчелы» [Гейман].

Вскоре тема получает развитие с описанием смерти Майкрофта, брата Шерлока. Сцена начинается с впечатлений Холмса о том, как его брат изменился до неузнаваемости перед смертью:

«Когда умрет Майкрофт, следом падет и Империя. Никто об этом не задумывался всерьез, кроме нас двоих. Его тело лежало передо мной, покрытое белой простыней с ног до головы, и мне казалось, что с двумя вырезанными на ткани глазницами, он действительно станет похож на приведение, — в самой распроstrанной, обыденной интерпретации. На смертном одре он, к моему удивлению, распух, стал еще массивнее и необъятнее. Белые пальцы были толстыми, словно колбаски» [Там же].

Он одновременно и сравнивается с привидением (уже не тот человек, что был раньше, призрак прошлого себя), и затем описывается относительно натуралистично, чтобы подчеркнуть происходящие естественные изменения. Далее Майкрофт предлагает Холмсу необычное расследование:

«Преступление. Самое настоящее, брат, не менее омерзительное, жестокое и чудовищное, чем каждое из тех, что ты расследовал, в которых все упиралось в несчастные шиллинги. Преступление против универсума. Против природы. Против порядка. <...> О моей смерти. Как частном случае. <...> Вот преступление, которое имеет смысл расследовать» [Там же].

Холмс, регулярно сталкивавшийся со смертью по долгу сыщика, оказывается лицом к лицу с потерей близкого человека – и в результате бросает вызов самой смерти, занимается расследованием не отдельно смерти, а смерти вообще, в частности еще и потому, что это ультимативный вызов, по-настоящему сложное дело. В итоге Шерлок Холмс оказывается способным победить даже саму смерть. Помимо идеи бессмертия образа здесь также можно увидеть и попытку развития образа, представить, что с Холмсом будет в иных обстоятельствах, не описанных в оригинальном цикле. Холмс по-прежнему остается

достаточно абстрактным, как мы уже говорили о «великих сыщиках», но возможности этой самой абстрактности исследуются: что если Холмс постареет и дела станут для него еще легче? Что если он столкнется с потерей Майкрофта? Что если Холмс бросит вызов загадке самой человеческой смерти?

Ответы на эти вопросы у Геймана получают такие, что ощущение условности образа только усиливается: он становится победившим смерть бессмертным созданием, вечной легендой, способной восстановить справедливость и нести надежду в любую эпоху. Бессмертие – не человеческий атрибут. Вместо того, чтобы пытаться «очеловечить» образ, автор, наоборот, развивает изначально присутствующую в нем условность. Если рассматривать юмор как инструмент того, чтобы сделать персонажа более человеческим и более понятным читателю, то его отсутствие в рассказе также служит превращению образа в более абстрактный и условный. Это по-своему отдает дань уважения оригиналу и служит идее бессмертия образа и цикла. Данью уважения и одновременно вызовом можно считать и то, что формально рассказ встраивается в «канон» серии о Холмсе: Шерлок считает, что Ловенштейн из рассказа Дойла «Человек на четвереньках», от принятия чьей экспериментальной омолаживающей сыворотки сошел с ума главный герой истории, был на верном пути, но не сумел завершить разработку. С одной стороны, «канон» признается и активно используется в сюжете, с другой – посыл получается противоположным тому, что был в оригинале («природу не обмануть»). Этот интертекстуальный диалог устанавливает двойное положение: оригинал одновременно признается и воспроизводится с уважением, но в то же время персонажи и мир перерастают его и начинают жить своей жизнью, противоречить ему. Цикл продолжает жить.

На эту идею играет и то, что с детективной формулой в рассказе происходит своего рода игра: формально «расследование преступления» остается, но «преступлением» оказывается сам факт смерти вообще, а не конкретной смерти. Фактически детективная формула здесь заменяется игрой с концепцией детективной формулы.

Образ Холмса в рассказе «Дело о смерти и меде» предстает более таинственным, чем в работах Дойла, пусть даже часть повествования ведется от его лица, как в последнем рассказе о Шерлоке Дойла. Он уже не склонен к работе на публику, что можно объяснить преклонным возрастом, в котором он предстает в рассказе. Это можно считать способом взаимодействия с ожиданиями читателя: если поменять возраст ориги-

нального персонажа, читатель уже не ждет полного сходства с образом, сразу понимая, что перед ним интерпретация оригинала, а не попытка его воссоздать.

В том, что Шерлок Холмс и Ватсон находят бессмертие, мы можем увидеть метафору, суммирующую то, о чем мы говорили ранее: великий сыщик и его помощник становятся бессмертными образами, вечно молодыми (в тексте есть намеки на то, что, несмотря на разрушение сада для экспериментов, Холмс при надобности сможет повторить условия создания эликсира) и «абстрактными», потому что разные люди будут истолковывать образ по-своему. Подобная идея прослеживается и в другом рассказе с фантастическим допущением из того же сборника «О детальном знании Лондона» Тони Броудбент, в котором оказывается, что Холмс, Ватсон и Мориарти перерождаются после смерти каждый раз и ищут друг друга, чтобы продолжить борьбу [Элементарно, Ватсон!]. Это более простая и «прямолинейная» метафора бессмертия цикла.

Заключение

Таким образом, «Дело о смерти и меде» Нила Геймана несет в себе необычный интертекстуальный диалог. С одной стороны, бережно и уважительно воссоздаются многие аспекты и узнаваемые черты оригинального цикла вплоть до вплетения в сюжет значимых отсылок на рассказы А. К. Дойла, что частично объясняет появление фантастического допущения, развиваются недосказанные аспекты (например, объясняется увлечение Холмса пчелами). С другой стороны, во-первых, абстрактность образа Холмса только усиливается, он лишается ощущения большей человечности из-за отсутствия юмора и его превращения в бессмертного, во-вторых, рассказ, по сути, намеренно, в рамках постмодернистской игры упраздняет детективную составляющую (расследование смерти конкретного человека заменяется расследованием смерти вообще) и противоречит определенным аспектам оригинала. Это взаимодействие дополняет метафору о бессмертии цикла о Шерлоке Холмсе и Холмса и Ватсона как персонажей, которые продолжают жить и в другие эпохи уже вне творчества самого А. К. Дойла. С этим посылом трудно спорить: с годами количество работ о Шерлоке Холмсе только увеличивается, мы получаем все новые и новые трактовки образа, который в рассказе Геймана оказывается бессмертным и в прямом, и в переносном смысле. Здесь прослеживается идея преемственности: новые работы о Шерлоке Холмсе строятся на фундаменте оригинального цикла и невозможны без него (отсюда уважи-

тельное и внимательное воссоздание), но в то же время авторы вносят свое понимание и трактовки, развивают идеи цикла по-своему (отсюда расхождения и «заполнение белых пятен»).

Список литературы

Гейман Н. Дело о смерти и меде. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183271&p=1> (дата обращения: 31.03.2021).

Кирилинко Н. Н. Классический детектив как жанр криминальной литературы. Инвариант и генезис. Москва – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 246 с.

Родинова Е. В. Интертекстуальность // Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/379/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 31.03.2021).

Элементарно, Ватсон! М.: издательство АСТ, 2014. С. 26–56.

Gaiman N. A Study in Emerald, 2003. URL: <http://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).

Houweling M. Van. It's Elementary My Dear Watson: The Public Domain Can Benefit Authors. URL: <https://www.authorsalliance.org/2014/06/17/its-elementary-my-dear-watson-the-public-domain-can-benefit-authors/> (дата обращения: 31.03.2021).

Queen E. The Misadventures of Sherlock Holmes Little, Brown and Company, 1944. P. 13.

References

Elementarno, Watson! (2014) [Elementary My Dear Watson]. Pp. 26–56. Moscow, izdatel'stvo AST. (In Russian)

Gaiman, N. (2003). *A Study in Emerald*. URL: <http://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf> (accessed: 31.03.2021). (In English)

Geiman, N. *Delo o smerti i mede* [The Case of Death and Honey]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183271&p=1> (accessed: 31.03.2021). (In Russian)

Houweling, M. Van. *It's Elementary My Dear Watson: The Public Domain Can Benefit Authors*. URL: <https://www.authorsalliance.org/2014/06/17/its-elementary-my-dear-watson-the-public-domain-can-benefit-authors/> (accessed: 31.03.2021). (In English)

Kirilineko, N. N. (2020). *Klassicheskii detektiv kak zhanr kriminal'noi literatury. Invariant i genesis* [A Classic Detective Story as a Genre of Criminal Literature. Invariant and Genesis]. 246 p. Moscow – Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)

Queen, E. (1944). *The Misadventures of Sherlock Holmes*. P. 13. Little, Brown and Company. (In English)

Rodinova, E. V. *Intertekstual'nost'. Kul'turologiia. XX vek. Entsiklopediia* (1998) [Intertextuality. Culturology. The 20th Century. Encyclopedia]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/379/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (accessed: 31.03.2021). (In Russian)

The article was submitted on 09.02.2021
Поступила в редакцию 09.02.2021

Мелихов Алексей Германович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
melikhov.ag@gmail.com

Melikhov Aleksey Germanovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
melikhov.ag@gmail.com